

ШЕПОТ ГРИМУАРА

Виноградная ведьма,
книга вторая

ЛУЭНН ДЖ. СМИТ

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)

C50

Перевод с английского — Ирина Ющенко

The Glamourist (The Vine Witch Book 2)

Luanne G. Smith

First published by 47North, 2020, Seattle

Смит Луэнн Дж.

C50 Шепот гримуара («Виноградная ведьма», книга вторая) / Л. Дж. Смит [Пер. с англ. И. Ющенко] — М.: Карьера Пресс, 2025. — 336 с.

ISBN 978-5-00074-376-8

От автора бестселлера The Washington Post «Виноградная ведьма».

Действие происходит в Париже на рубеже 19 и 20 веков. Иветт Ленуар мечтает раскрыть тайну своей магии и узнает о странном гримуаре, доставшемся ей от матери. Чтобы расшифровать золотые знаки на зачарованных страницах, Иветт доверяется Елене Буроню, виноградной ведьме. Но на Иветт идет охота: полиция разыскивает ее за сомнительное преступление, а шайка бандитов пытается завладеть гримуаром. Теперь под удар поставлена не только Иветт, но и Елена.

Но Елена не в силах предать отважную и очаровательную девушку, и вот уже в их поиски шифра для материнского послания вовлекаются все новые персонажи, а также очаровательный черный кот.

Но какое же волшебство досталось Иветт в наследство? И чем готовы рискнуть Иветт и Елена, чтобы стать той частью магического мира, которой им суждено быть?

ISBN 978-5-00074-376-8

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)

Text Copyright © 2020 by Luanne G. Smith

© «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке, 2025

All right reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agence.

Cover design by Micaela Alcaino

Шепот гримуара

ПРОЛОГ

Она вырвалась из толстой пряди тумана, но слишком поздно, когда столкновения с высоким, в три этажа, окном розоватого стекла было уже не миновать. Ее правое крыло с размаху распласталось по стеклу, оставив на нем след из грязи и перьев, и она кувыряясь рухнула вниз, на карниз. Положение было неустойчивым, покачнувшись, птичка вцепилась коготками в каменный выступ. Из стеклянной глубины окна смотрел взъерошенный воробей, ее собственное отражение. Вихрь смятенных ощущений прорезала острая боль в плече. Птичка задрожала, но заставила взъерошенные перья улечься гладко.

Она не помнила ни полета, ни того, что предшествовало ее стремительной встрече с этим зданием. Да что там — не помнила даже, откуда у нее взялись перья. Тянувшийся за левой лапкой обрывок красного шелкового шнура дразнил смутным неразличимым воспоминанием. Он что-то означал, конечно, но как бы ни старалась она припомнить, что именно, смысл этого знака ускользал от птичьего разума, зыбкий как туман. В попытке подстегнуть память она клюнула было шнурок, однако тут в поле ее зрения попала река, и голова тотчас же пошла кругом. Птичка в панике захлопала крылышками.

Она угодила в восходящий поток, и воздух порывистыми движениями понес ее вверх, куда она не достигла узкой террасы, окруженной каменной балюстрадой. На самом деле метила она не туда, но на террасе, по крайней мере, можно было поскакать туда-сюда, не боясь свалиться. А какой вид! С высоты она видела весь город. Но что это за город? Она подпрыгнула чуть ближе к краю, выглянув в заостряющиеся кверху готические прорезы каменной балюстрады, и наконец высмотрела вздымавшуюся вдали стройную башню из металла. Устремленная в небо башня возвышалась над приземистыми современными домами и каменными мостами.словно грозящий перст, указующий путь в новую эпоху. Зрелище это могло бы показаться величественным, однако сердце птички глухо стукнуло. Слишком знакома была ей эта линия горизонта, слишком тяжкий груз угрозы несла она. Птичке здесь было не место. Почему — она не знала, но инстинкт кричал ей: спасайся, лети.

Птичка расправила крылышки, изготовилась, ловя ветер, чтобы унести к спасению, но тут террасу заволокло клубами белого дыма, щековавшего ноздри запахом жженого цитруса. У нее заслезились глаза, перехватило горло. Ведомая жаждой спастись, она забила крылышками, но шелковый красный шнурок, обвитый вокруг ее лапки, туго натянулся, не позволяя взлететь. Она задохнется, наверняка задохнется — о, эта индустриальная эпоха, бедная птичка, что сбилась с пути, будет убита ядовитым дыханием города.

Дым наползал все гуще, все тяжелее становился аромат благовоний. От этого запаха у нее закружилась голова, и птичка упала на бок, не сомневаясь, что ее ждет смерть от удушья. Ее глаза затрепетали, готовые закрыться навсегда, но тут она увидела темноглазую женщину — та выступила из дыма и встала над птичкой.

— Ты не умираешь, Иветт, — сказала джинния, расправив свой красный с золотом наряд. — Вставай.

Мыском поношенной сандалии джинния потыкала в хвостовое перо птички, подышала ей горячим воздухом на голову и произнесла чужеземное слово, словно бы состоявшее из одних твердых согласных. Теплое дуновение ветерка взметнуло птичку в вихре дыма, бившегося, словно пламя в очаге, а стремительный водоворот энергии бросал ее в разные стороны, не давая встать на ноги. Растаяли перья, втянулся клюв, косточки — легкие, как прутики, окрепли и потяжелели, вырастая до человеческих размеров, и вот Иветт вновь обернулась задорной девчонкой. На ней по-прежнему был красный с черным костюм паяца, в котором она совершила свой стремительный побег из темницы и от *les flics**. Она потеряла ноющую от удара руку — сознание ее тем временем вбирало в себя все воспоминания, слишком пространные, чтобы их мог удержать скудный птичий разум.

А потом снова увидела ее — стройную башню, что пронзала небо вдали.

Иветт обеими руками вцепилась в балюстраду.

— Нет-нет-нет, только не сюда! — выговорила она, вбирая взглядом все пространство города, заживавшего огни над рекой. — Забери меня куда-нибудь еще, Сидра!

Встревоженная ее реакцией, джинния перегнулась через парапет и тем же исполненным ужаса взглядом обежала башню, реку и оживленную улицу под ними, с автомобилями, бициклетами и фургонами, соперничавшими за дорогу в сгущающихся сумерках. Каменная горгулья, примостившаяся рядом, меланхолично взидала на происходящее.

— Мы что, в городе тысячи огней? Я тут ни при чем. —

* Полицейские (*фр.*).

Она повернулась к Иветт: — Ты что сделала? Да я от тебя и уголька не оставлю!

— Я? Я ничего не делала. Это же *ты* превратила *меня* в птицу, забыла? Ты меня убить могла, пустынноца ненормальная!

Сидра ответила яростным взглядом; гнев исходил от нее волной жара.

— Надо было связать тебя и оставить, где была. Отрезали бы тебе твою глупую голову, и дело с концом. Проку от нее тебе все равно никакого.

Словно намереваясь нанести магический удар, джинния поддернула рукава. Иветт потянулась было за острой шпилькой, которую самозащиты ради прятала в стянутых небрежным узлом волосах, но шпильки не было. Она угрожающе наставляла на джиннию палец и попятилась.

— Даже не думай опять меня превращать!

— Ой, ты что-то потеряла? Твоими смертоносными безделушками со мной все равно не справиться. Это тебе не тюрьма. — Джинния взмахнула рукой, и в воздухе пролегла тонкая нить тумана.

Иветт заледенела в ожидании резкого удара, который столкнет ее с террасы куда-нибудь в змеиную яму. Но удара не последовало. Открыв глаза, она обнаружила, что Сидра трясет руками, глядя на них так, словно они ее предали.

— Вот это номер, — сказала Иветт, все еще цепляясь за балюстраду.

Впрочем, расслабляться она не стала. Не время. Джинны коварны. Они опасны. А эта джинния даже убивала.

Там, в Мэзон-де-Шэн, в тюрьме, куда бросали ведьм и где они были узницами, Иветт чувствовала себя куда смелей. Там они были равны — обе лишились магии и ожидали, как решится их судьба. Но здесь, на узкой террасе, один на один с

джиннией Иветт была беспомощна как никогда — пустышка, только и выучившая что пяток салонных фокусов.

Сидра приподняла свои юбки, проверяя, нет ли на ней цепей. Цепей не было, и ее магию ничто не сдерживало.

— Ты что сделала?

— Я — ничего. Может, это просто ты слишком старая, и нормальная магия тебе больше не под силу.

На лбу Сидры пролегла тревожная морщина; джинния посмотрела на башню.

— Я поклялась никогда больше не возвращаться в этот вонючий город. Упаси меня пророки, я не должна была здесь оказаться.

— Ну так и нечего было нас сюда забрасывать.

Джинния рыкнула, приподняв верхнюю губу и обнажив клык цвета слоновой кости с золотой насечкой.

— Я нас сюда не забрасывала.

— Ну не сами же по себе мы сюда угодили, а?

Сидра в задумчивости поправила шаль, на запястьях у нее зазвенели золотые браслеты.

— Нет, не сами по себе. — Она оперлась о парапет так, что лицо ее оказалось вровень с лицом горгульи, и стала смотреть на город. Взгляд ее блестящих, словно черные бриллианты, глаз был устремлен на крыши внизу.

Все еще опасаясь неожиданного выпада, Иветт спросила себя, что же замышляет джинния. С нее вполне стало бы толкнуть Иветт через перила, однако неподдельная озадаченность джиннии подсказывала, что сейчас она не представляет угрозы.

Сидра озадаченно поцокала языком.

— Ты тайком пронесла что-то в сердце, — сказала она, уцепившись наконец за нить рассуждений, по которой можно было двинуться дальше. — Что-то, чего ты желаешь превыше

всего на свете. А я в тот же миг произнесла заклятье. Должно быть, твое желание переплелось с чарами и принесло нас сюда. — Сидра рывком развернулась: — Ты нарочно влезла со своим желанием!

— А вот и нет.

— Нет, влезла.

— О-ля-ля, разве хотеть чего-то — уже преступление?

Джинния потрясла пальцем перед носом Иветт и решительно прошагала до конца террасы; шелковые одежды развевались у нее за спиной. Она перегнулась через балюстраду, туда, где у искусного каменного завитка приютилось пустое птичье гнездышко. Джинния высвободила гнездышко и покачала его на руке, ухитрившись при этом бросить желчный взгляд в сторону Иветт: — Поглядим теперь, чего стоит желание твоего сердца.

— А гнездо тут при чем?

Сидра села, скрестив ноги и разложив вокруг себя подолы юбок. Указала пальцем:

— Сядь и помолчи.

Иветт опасалась ловушки, но выбора не было. Гнев, исходивший от песчаной колдуньи, был ошутим за добрых пять футов, и Иветт почувствовала себя маленькой и беззащитной, как в годы, когда она девчонкой бегала по улицам там, внизу. Скрестив ноги, Иветт села напротив джиннии.

Все еще держа гнездышко в руках, Сидра легко подула на сухие, переплетенные волей инстинкта и любви веточки и травинки. Гнездышко занялось огнем, и внутри этого огня заплясали в пустоте снежные хлопья перьев. Огонь подрос, но гнездышко и перья в нем оставались целы и невредимы. Круг огня плясал на ладони джиннии, гнездышко наливалось багрянцем, и взгляд Сидры следовал за движениями пламени, как следует за строкой взгляд человека, читающего газету.

— Как ты это сделала? Я думала, у тебя магия иссякла.

— Не иссякла, только поослабла. Все, молчи. Негоже при-
нижать чужую судьбу пустой болтовней. Даже твою.

Чужую судьбу?

Сидра наклонила голову вбок и прищурилась, вглядываясь во что-то, видимое ей одной. Что, что происходит? Иветт нервно закусил зубами ноготь большого пальца; что, если джинния все-таки попробует сбросить ее с террасы вниз?

— Ну, все как я и думала, — сказала Сидра и опустила
целехонькое, ничуть не пострадавшее от огня гнездо. — В этот
город неверных нас забросило именно твое желание.

Иветт замотала головой:

— Я ничего такого не желала! Клянусь!

— Огонь никогда не лжет. — С этими словами Сидра
встала и дернула подбородком. — Поднимайся.

— Зачем? Что ты хочешь сделать?

Иветт быстро огляделась в поисках двери. Должен же быть
отсюда какой-то выход.

— Вставай, малявка. Я тебе кое-что дам.

Джинния запустила руку в шелковые складки своего на-
ряда и извлекла из них флакон для благовоний — зеленое
стекло с тончайшим узором из золотых листьев. Пробкой
флакону служила хрустальная птичка. Выглядело очень изы-
сканно. Вроде тех вещиц, что можно найти в богатых мага-
зинах на Рю-де-Валёр. Сидра вложила флакон Иветт в левую
руку.

— Чем это я заслужила такой подарок?

Сидра презрительно фыркнула.

— Ничем. И это не подарок. Но раз ты украла у меня же-
лание, значит, с тебя причитается.

Да уж, эта джинния даром ничего не дает.

— Я же сказала, я не...

— Не запирайся. Когда мы бежали, твое сердце стремилось сюда. Еще и меня в эту грязь притащила.

— Ну что ты заладила — притащила, притащила? Господи, ты же джинния! Не нравится здесь — бери и улетай!

Сжав кулаки, Сидра шагнула к ней.

— Да что ты знаешь о том, как работает магия!

— Подумаешь! Зато я знаю, что эта штука стоит дорого, — сказала Иветт и подняла флакон повыше, всем своим видом давая понять, что готова уронить его на камень, если Сидра не отступит.

— Не пытайся меня запутать, *шармута*! Этот флакон стоит дороже десяти тысяч грязных желаний твоего сердца!

Иветт подбросила флакон так, чтобы он перевернулся в воздухе, и ловко поймала его правой рукой.

— Тогда зачем ты мне его дала?

Джинния вытянула дрожащую руку.

— Объяснять нет времени — из-за твоего глупого желания я теперь заперта в границах города и не могу уйти. И ты не можешь.

— Захочу — уйду, хоть прямо сейчас.

— Нет, малявка, не уйдешь. Здесь, в этом городе, — то, чего ты желала всем сердцем, и пока ты не отыщешь его и не насытишься желанием, тебе не уйти. — При этих словах Сидра содрогнулась — впервые на памяти Иветт. — А мне теперь нельзя иметь этот флакон при себе, — добавила джинния. — Пока моя сила ко мне не вернется — нельзя.

— Так ты хочешь, чтобы я подержала его у себя?

В иных обстоятельствах Иветт с удовольствием бы подразнила пылкую пустынную ведьму еще немного, но в глазах Сидры она прочла что-то новое. Нечто, похожее на отчаяние. Даже страх. И Иветт охватило сострадание — в глубине души, где-то там, за многочисленными выстроенны-

ми стенами и внешней жесткостью, приобретенными за годы жизни на улицах. Она знала, каково это — отдать другому что-то бесценное для тебя и увидеть, как оно будет разбито по небрежности.

Иветт подержала флакон в стиснутом кулачке и спрятала его в складках одежды.

— Ладно уж, с меня причитается — ты все-таки помогла мне бежать. Я его сберегу, если тебе так хочется.

Сидра кивнула, резко, но с явным облегчением. По-видимому, джинния сочла, что дело улажено и долг оплачен. Стоя бок о бок с рогатой горгульей, она внимательным взглядом обвела горизонт и указала туда, где в дальнем конце города высился холм, а над холмом поднимался купол здания:

— Ты вовремя. Что бы ты ни искала, оно все еще там.

Иветт почувствовала, как от страха рот наполнился слюной. Она не знала, что за призрак увидела джинния в языках пламени, однако теперь та уверенно указывала на то самое место и тот самый холм, где некогда родилась Иветт, а значит, увиденное было правдиво. Или по крайней мере так близко к правде, как это только возможно. Отчасти Иветт понимала, отчего ее вновь занесло в этот город. Быть может, глубоко внутри она и *в самом деле* хотела вернуться. Однако незадолго до того, как Сидра обратила ее в птицу, ей, Иветт, довелось повидать настоящую магию в исполнении настоящей ведьмы, и она впервые в жизни захотела уметь так же. Магия текла в ее крови с самого рождения, магия пощипывала кожу, покалывала в кончиках пальцев и под волосами, мурашками бежала вдоль позвоночника. Но заклинания не давались Иветт — ни разу в жизни. Некому было научить ее правильно колдовать, показать, как укротить ту буйную силу, которая словно бы текла сквозь нее. Да и вообще, кому она нужна.

Но потом Иветт увидела, как плетет свою магию вино-

градная ведьма, и поняла, что это возможно. Теперь она еще больше, чем когда-либо, желала обрести силу. Именно это желание она убрала подальше и припрятала в самой глубине сердца в миг, когда на нее обрушилось колдовство джиннии.

Иветт перегнулась через парапет и стала рассматривать город и уличные фонари, мерцающие на фоне пурпурного неба. Зрелище это вселило в нее достаточно смелости, чтобы признаться:

— Просто я хочу научиться колдовать сама. Хочу понять, какой ведьмой мне суждено было стать до того, как все пошло к чертям и я угодила в ту самую тюрьму.

Горгулья напротив сидела, оперевшись подбородком о ладони и высунув язык.

— Вот поэтому, малявка, я и не стала тебя убивать. — Джинния смотрела на Иветт искоса, словно ожидая вспышки, и, не дождавшись, улыбнулась. — Нет пути достойнее, чем путь судьбы, — сказала она уже тише, словно вспомнив что-то из своего прошлого. — Даже если в итоге его приходится искать в таком вот вонючем месте.

— Три года здесь не была, — сказала Иветт и наконец вгляделась как следует в далекий собор под белым куполом на холме.

— Для вечности это лишь миг.

— Ты проголодалась? На том холме есть маленькое кафе, где всегда держат на огне горшок с бульоном из обрезков. Ну, если ты хочешь со мной, конечно.

Джинния покачала головой и указала подбородком в противоположную сторону, на южный берег реки:

— Мой путь лежит туда. В этом лабиринте узких улочек я сумею затеряться.

— Да ну! Свалились в город вместе, а потом разойдемся? И как я тогда верну тебе флакон?

Сидра подтянула шаль и покрыла ею голову.

— По какой-то неведомой причине мы связаны судьбой. И мы еще найдем друг друга. Это несомненно. А до той поры береги флакон, не то я прокляну и тебя, и твоих детей, и детей твоих детей проклятием, которое обрекает на адские муки, словно тысяча огненных муравьев гложет твой мозг.

— И почему это у тебя совсем нет друзей? Прямо теряюсь в догадках...

Сидра показала зубы — наполовину улыбка, наполовину оскал. Золотая вязь сверкнула на белом фоне загадочным заклинанием.

— Чтобы ни царапины, — ответила джинния. С этими словами она вспрыгнула на парапет и обернулась туманной пеленой, которая тотчас же растаяла над головой унылой горгульи. Иветт осталась в одиночестве. Ей еще только предстояло отыскать путь вниз.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Елена и Жан-Поль прибыли вечерним поездом, но задержались ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы отправить багаж дальше, после чего подозвали один из уже ставших вездесущими таксомоторов. Повинуясь призыву Министерства генеалогии и лицензирования, они поехали по направлению к северному мосту, по южную сторону которого раскинулся комплекс старинных строений. Адрес, жирным шрифтом отпечатанный в самом начале телеграммы, явственно указывал на то, что Елену ожидают с докладом в доме номер 333 по Рюде-Курбэ. Тщательно удостоверившись в том, что номер над дверью совпадает, она убрала телеграмму в сумочку и постаралась скрыть тревогу за безмятежной улыбкой.

— Ты уверена, что нам сюда? — спросил Жан-Поль и оглядел улицу, словно подозревая какую-то ошибку. Он подергал ручку двери и обнаружил, что дверь заперта.

Что ж, подумала Елена, глазу смертного эта простая синяя дверь в стене у начала узкого проулка и впрямь кажется ничем не примечательной. На ней не было таблички с именем, гостя не встречал вазон с цветами, пожалуй, дверь навевала разве что мысли о черном ходе, да и то нечасто используемом. Но от двери исходил привычный гул официальных ведьминских

служб, знакомое гудение, с которым документы по ту сторону двери проходили сортировку, чтобы затем увенчаться подписью. Еще немного, и Елена услышала бы тихое бормотание чернильных заклинаний.

— Уверена, — сказала она и повернула ручку, не ощутив при этом ни намека на сопротивление.

Сняв фетровую шляпу, Жан-Поль последовал за Еленой и вошел в Министерство генеалогии и лицензирования через парадный вход. За то недолгое время, что они были вместе, он постепенно смирился с тем, что в делах магических ему зачастую приходится полагаться на Елену и ее инстинкты. Елене нравилась в нем эта готовность открыть сердце и разум тому, что оставалось неосязаемым для его органов чувств. В министерстве пахло залежалыми бумагами, которые годами копились здесь против всякой логики и целесообразности, однако поверх этого запаха витал аромат свежесваренного кофе с молоком — им тянуло из ближнего кабинета. Документы самостоятельно перепрыгивали из одного лотка для входящих в другой. Зачарованные пишущие машинки заполняли бланк за бланком и выплевывали их в груды, которым предстояло быть рассортированными и разосланными по адресам. У дальней стены на насесте в ряд сидели голуби и ожидали почты, которую надлежало доставить в пределах города. Над насестом висел портрет премьер-министра, и всякий раз, когда кто-нибудь из голубей ерошил перья, портрет украшала новая пушинка. Елена старалась не делать глубоких вдохов, не наполнять легкие безжизненным воздухом присутствия, дабы не поддаться апатии и не уподобиться клерку, который приветствовал их, глядя стеклянными глазами поверх очков-половинок.

— Мадемуазель Буроню желает видеть министра Дюрана, — заявил Жан-Поль самым своим адвокатским голосом.

Клерк опустил глаза и принялся рыться в груде бумаг на столе.

— Ах да. Двойная лицензия. Прошу сюда, — произнес он, добыв из груды стопку пожелтевших полупрозрачных бумаг. Заполнены они были от руки, в вычурном старинном духе, и тем весьма отличались от напечатанных бумаг на столе за спиной у клерка.

Елена и Жан-Поль последовали за очкастым клерком, миновали створчатые двери красного дерева и оказались в уединенном кабинете в дальнем конце фойе. Клерк открыл перед ними дверь, предварительно трижды в нее постучав, и провел посетителей внутрь. Документы он положил на обширнейший стол, где уже лежали новые заявления, после чего удалился, оставив Елену и Жан-Поля ожидать, восседаая на предусмотрительно предложенных жестких деревянных стульях.

Не прошло и минуты, как вошел сухощавый джентльмен в розовато-лиловом сюртуке и галстуке в тон. Жан-Полю он пожал руку, перед Еленой учтиво склонил голову.

— Мадемуазель, я весьма признателен вам за столь скорое прибытие.

С этими словами министр Дюран сел за свой огромный стол и отстучал пальцами некое подобие странного ритма, словно стук этот мог заменить словесное заклинание. В воздухе поплыл легкий запах чернил. Министр — Елена заметила, как он быстро вдохнул этот запах, — открыл ящик стола и извлек оттуда чернильную ручку и увеличительное стекло.

— Мадемуазель Буроню была рада исполнить распоряжение суда, — заявил Жан-Поль и смахнул со шляпы частицу угольной пыли — напоминание о путешествии на поезде.

— Понимаю.

Дюран внимательно изучил документы на истончившейся бумаге, которые положили ему на стол. При этом он поти-

рал пальцы тем самым своеобразным движением, что некогда *Grand-Mère*, словно проверяя, не витает ли в воздухе статическая энергия колдовства. Впрочем, в случае министра Дюрана то была скорее навязчивая привычка, порожденная работой, последствие постоянной необходимости изо дня в день иметь дело с бесконечными бумагами и чернилами. Министр потянул к себе лежавшее на углу стола заявление видом посвежее и, по-видимому, стал сравнивать его с документами постарше, которые принес клерк.

— Здесь говорится, что в соответствии с соглашением, достигнутым в результате судебного слушания по уголовному делу месяц назад, вы, мадемуазель, подали заявление о регистрации в качестве венефики.

Дюран поднял взгляд, и Елена кивнула. Дюран прикусил край губы, поднял бровь и вновь уткнулся в лежащие на столе документы, скривившись так, словно решение суда пришлось ему не по душе.

— Однако вы уже зарегистрированы в качестве виноградной ведьмы долины Шансо. Я правильно понимаю?

Он приподнял за уголок еще один документ, показывая, откуда почерпнул эти сведения. Внизу листа красовалась официальная печать с изображением Свободы в венце из семи звезд.

— Да, это так, — отважился ответить Жан-Поль. — Мы производим вино в винодельне Шато-Ренар. Мадемуазель является нашей виноградной ведьмой. И моей невестой, — добавил он.

— Прекрасно, — отозвался Дюран довольно-таки скептически. Вновь потеряв пальцы, он откинулся на спинку кресла. — Что ж, позвольте мне объяснить вам, как у нас все происходит обычно, если вынести за скобки последнее известие. Итак, мы работаем с ведьмами из провинций, в случае если

они еще не получили регистрацию в соответствии с Соглашением от 1745 года либо желают сменить статус и практиковать иную область магии. Вот, например, на этой неделе приходил джентльмен, который считал, что работа с электричеством подходит ему больше, нежели работа с огнем. В современном мире это нетрудно устроить. Достаточно было изменить его регистрационную запись с тем, чтобы она отражала произведенные изменения и допускала отслеживание любых нарушений магического характера.

Он вновь побарабанил пальцами по столу, раз-два-три, трижды подряд.

— Однако насколько я понял из вашего заявления, вы желаете сохранить статус виноградной ведьмы и одновременно с этим зарегистрироваться в качестве венефики, верно?

— Да. Видите ли, я выросла в приемной семье, и наставники готовили меня к работе виноградной ведьмы. Родители... — Она замялась, чувствуя, как сжимается сердце при мысли о том, чтобы признать: *Grand-Père* и *Grand-Mère* вовсе не были ей отцом и матерью. — Мне всегда говорили, что Рауль и Эсме Буроню были деревенскими знахарями, жили в разъездах и торговали лекарствами и целебными настоями. И лишь недавно мне стала известна правда об их происхождении.

Дюран стал перебирать старые истончившиеся бумаги.

— Видите ли, проблема заключается в том, что... а, вот оно.

Он достал из стопки лист бумаги и повернул так, чтобы Елена и Жан-Поль могли прочесть.

— Ваши родители отравили троих смертных, за что были осуждены и повешены. Именно поэтому суд в своем неподражаемом стиле решил, что вы должны зарегистрироваться в качестве венефики и пребывать на испытательном сроке до тех

пор, пока магистрат не придет к выводу, что вы не представляете угрозы.

— Вот поэтому мы и пришли. — Словно почуяв беду, Жан-Поль сдвинулся на самый краешек стула.

— Да, но даже смертный, как вы, способен понять, что искусства, о которых идет речь, конфликтуют друг с другом самым непосредственным образом. Для лица, имеющего дело с ядами, работа в сфере производства продуктов питания и напитков попросту невозможна. Это может привести к трагическим последствиям.

Елена увидела в перечне имена родителей с пометкой «казнены» на полях, и спину ожгло болью.

— Что вы имеете в виду? Я вас не понимаю.

— Приношу извинения за то, что недостаточно ясно высказался в телеграмме, однако вызвал я вас для того, чтобы сообщить, что ваша лицензия на работу в сфере виноделия должна быть отозвана и не может быть возобновлена, покуда вы пребываете в статусе ведьмы-зельеварки, специализирующейся на работе с ядами.

— Но я не зельеварка! — Однако, едва выпалив эти слова, Елена ощутила укол вины, который спешно подавила. Она помнила, как совсем недавно намеревалась отравить того, кому желала отомстить. И что изготовленный ею для этой цели яд случайно привел к гибели двоих других людей.

— Суд не согласен с вами, мадемуазель. — Дюран покрутил на пальце кольцо с печаткой — грубо вырезанной пентаграммой и девизом, слишком мелким, чтобы Елена могла его прочесть, а впрочем, ей и гадать не пришлось. — Я понимаю, что ваше призвание заключается в том, чтобы работать виноградной ведьмой, и что в своем деле вы достигли определенных успехов; тем не менее мы не можем пренебрегать общественной безопасностью. Покупатели вашего вина должны иметь

все гарантии того, что оно безопасно в употреблении. Скажем прямо: они не смогут без опаски пить вино, изготовленное ведьмой, которая одновременно является венефикой — а именно венефикой вас и считает суд.

Жан-Поль потер подбородок, переваривая услышанное.

— Он прав. Если покупатели сложат два и два, нам конец.

На миг он отвел глаза, но тут же взял Елену за руку.

— Однако тут должен быть какой-то выход — допускают ли законы Соглашения, например, апелляцию? Ведь она не отравительница. За отравление судили ее родителей, а не ее саму.

— Прошу прощения, месье, но вы ведь адвокат смертных, не так ли?

Жан-Поль медленно кивнул и набычился. От него не укрылось пренебрежение, с которым ведьмак произнес слово «смертные».

— Ведьминское законодательство устроено значительно сложнее, нежели законы, которым должны подчиняться смертные. Применение наших законов, как правило, основано на инстинкте и интуиции, каким бы странным это вам ни казалось. Это древние законы, и они применялись и развивались тысячелетиями.

— Я знаком с ведьмовским законодательством и читал Соглашение от 1745 года. К счастью, в аббатстве нашей деревни сохранился экземпляр.

— *Non*, месье, боюсь, что то был не более чем сборник правил для деревенских ведьм провинции.

Министр взял со стоящего у него за спиной шкафчика саквояж и извлек из него толстый том в кожаном переплете.

— В стране же действует Соглашение о ведьминском законодательстве, которое обязательно к исполнению всеми сверхъестественными существами. Оно значительно сложнее

и обширнее. Так, например, оно включает в себя сто страниц правил, касающихся отравлений, и четко определяет границы допустимого. После паники 1647 года местные власти настаивали на определении показателей намерения. При рассмотрении дела учитывается отнюдь не только мотив и намерение как таковое. В ряде случаев, например, для ведьмы с такой наследственностью, как у мадемуазель Буроню, преступлением считается уже одно только обладание определенным набором ингредиентов для зелья. А потому, боюсь, вам придется отстранить ее от работы и не допускать ее проживания при винодельне до тех пор, пока суд не решит, что она может вернуться без ущерба для дела.

— Я что, не имею права вернуться домой? Что за чушь! Полная бессмыслица! Если я не вернусь, вся наша жизнь пойдет под откос. И потом, мы ведь собирались пожениться.

Елена почувствовала, как ужас наполнил ее кровь, а правда о прошлом вкупе с неопределенностью будущего перекрыли всякую возможность мыслить. Винодельня, Шато-Ренар, их с Жан-Полем союз — все может рухнуть под весом той лжи, которой ее кормили в детстве. Родительская вина удерживала надежнее любых оков, какие только могло выдумать Управление контроля Соглашения.

— Это какая-то ошибка, — выпрямила она спину со всей дерзостью, какую только могла позволить себе в присутствии министра. — А пока она не разрешилась, наверняка существует какой-то способ, чтобы я могла продолжить работу на винодельне, — сказала она, в поисках поддержки поглядев на Жан-Поля. Но тот ничем не мог ей помочь.

Дюран моргнул и непреклонно сжал губы, словно предвидел ее реакцию. Вновь выбил пальцами этот странный ритм по столу.

— В положении имеется одна оговорка, на основании ко-

торой я, возможно, мог бы не настаивать на выполнении данного требования.

— Какая же?

Министр выдвинул ящик стола и достал серебряную шпильку для волос, кончик которой был заточен до кинжальной остроты. Этой самой шпилькой одна девушка в тюрьме грозила Елене, однако затем они вместе смогли убежать и даже найти друг с другом общий язык — обе были ведьмы, и обе не знали своих матерей. Неудивительно, что, увидев шпильку в руках министра, Елена содрогнулась.

— Судя по выражению вашего лица, мадемуазель, вы опознали это довольно грубое орудие. Прежде оно принадлежало Иветт Ленуар. Возможно, вам будет интересно узнать, что оно было найдено в той самой камере, в которой, как я понимаю, содержались вы сами.

Ответить она не успела; Жан-Поль предупреждающе положил ладонь ей на руку и спросил:

— К чему вы клоните, министр?

— Ах, эти смертные. Вечно им не терпится. Что ж, хорошо. — Дюран наклонился вперед и переплел пальцы. — Буду краток, мадемуазель: мне позволено отменить отзыв вашей лицензии как виноградной ведьмы в обмен на информацию.

— Какую информацию?

— Вы должны рассказать все, что знаете о местонахождении мадемуазель Ленуар. Нам известно, что она оставалась с вами до того, как вас схватили во второй раз. Было бы странно, если бы мы поверили, будто вы не имели никакого отношения к ее последующему побегу.

Елена растерянно уставилась на министра.

— Но я понятия не имею, где она. Я уже сказала инспектору Неттлю, что ничего не знаю о том, что стало с ней после исчезновения.

— Вы не можете возлагать на человека ответственность за несовершенство законодательства, — твердо сказал Жан-Поль. — Это равносильно принуждению. Закон предписывает ей лишиться привычной жизни лишь потому, что она не сумела получше познакомиться с юной девушкой, с которой ее свел случай?

— С юной ведьмой, месье. Кроме того, напомним вам, что эта ведьма показала себя опасной и изворотливой убийцей и вот уже которую неделю пребывает в бегах. Если вашей невесте станет известно что-либо о местонахождении этой ведьмы, она должна немедленно сообщить об этом властям. В противном случае мы будем вынуждены в полном соответствии с законом отозвать ее лицензию виноградной ведьмы на постоянной основе.

Кожу головы колело словно иголками, туфли сжали ноги, корсет, казалось, еще плотнее охватил ребра. Не в силах выслушивать отвратительные известия сидя, она встала.

— Что я могу рассказать, если ничего не знаю?

— А это уже вам решать, мадемуазель. Лично я посоветовал бы вам использовать ваши способности для поиска мадемуазель Ленуар — если вы, конечно, желаете вернуться на винодельню в прежнем своем качестве. Пока же вот вам моя визитная карточка. Пошлите мне голубя или телеграмму, если вам больше по вкусу средства связи, используемые смертными, — сказал министр, покосившись на Жан-Поля. — Когда вы будете готовы заговорить, ваш статус будет возобновлен.

— Подлый закон, — сказала она.

— К сожалению для вас, закон таков, каков он есть, — сказал Дюран, взял печать, надавил ею на штемпельную подушечку и поставил на регистрационную запись виноградной ведьмы штамп «ОТОЗВАН».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Они вывалились из дверей министерства на улицу огушенные, словно из-под артиллерийского обстрела. Жан-Поль шел широким шагом, задевая брючиной поля шляпы, но в конце концов резким движением водрузил шляпу себе на голову. Елена вонзала каблуки в тротуар и держала руки сплетенными на груди, чтобы ненароком не запустить ведьмовским огнем в двухэтажный домик с коваными цветочницами на противоположной стороне улицы. И дышала жаром, испуская легкий запах гари, который висел вокруг нее, окутывая, словно уличную торговку жареными каштанами.

Провались он в преисподнюю, этот министр, провались этот суд, провались все, кто врал ей о ее прошлом!

— Один раз я уже чуть не потеряла винодельню. Я не могу рисковать снова, — сказала она.

— Все у тебя останется — и винодельня, и я. Обещаю. — Жан-Поль расправил плечи и застегнул пиджак движением, каким затягивают последний ремешок на доспехах. — Что за отвратительный тип этот Дюран. И какой возмутительный ультиматум. Это же самый настоящий шантаж. А как он выговаривает это слово — «смертные»? Как будто это какая-то зараза, от которой надо держаться подальше.

— Ты ведь знаешь какой-нибудь способ? Как с ним побороться, ведь правда?

Шагавший навстречу им мужчина в шляпе-котелке и костюме-тройке черного цвета достал из кармана часы. Мужчину окружала аура властности, но то была напыщенная властность смертного. Елена и Жан-Поль помолчали, дожидаясь, покуда он пройдет, и, вежливо кивнув, проводили его взглядом — он прошел мимо синей двери, даже не подозревая о том, какая глупейшая потусторонняя контора за нею скрыта.

— Побороться? Пока я даже не понимаю, как оно все устроено. — И Жан-Поль в замешательстве обвел взглядом улицу. — Я всю жизнь жил и учился в этом городе. А теперь узнаю, что все это время в нем действовало тайное общество ведьм, о котором я имел не больше представления, чем вон тот господин. У вас свои правила, свои законы, — он махнул рукой в сторону неприметного домишки, из которого они вышли, — господа, даже целые дома. Этот тип, Дюран, он, конечно, буквоед, и все же он прав, Елена. Я изучал законодательство смертных. Я понятия не имею о том, как апеллировать к твоему праву оспорить эти абсурдные требования или даже как обосновать протест. Он говорил о законах, но я этих законов не знаю.

От этого смущенного признания боль, терзавшая ее из-за неудобного городского наряда, стала еще сильнее.

— Нет никакого секретного общества, — сказала она и потянула за край своего тесного рукава, пытаясь его ослабить. — Ведьмы всегда жили открыто, тем более в городе.

Жан-Поль оглянулся, желая убедиться в том, что прохожий ушел достаточно далеко.

— Говори тише.

— Просто смертным легче жить, если мы позволяем им не замечать нас, — сказала она, приподняв бровь. — Когда

вы игнорируете наше существование, вам проще смириться с собственными ограничениями.

Он ответил ей мрачным взглядом, в котором ясно читалось, что эти слова балансируют на грани оскорбления человеческого разума. Она торопливо добавила вполголоса:

— Я имею в виду людей вообще, а не тебя, милый.

— Приятно слышать. — И Жан-Поль, заметно расслабившись, взял ее под руку и повел по улице. — Прости меня, Елена. Мне жаль, что я ничего не смог ни сказать, ни сделать. Меня попросту поймали на том, что я не знаю ваших законов.

Они свернули к главной улице, и на них волной нахлынул городской шум. Запряженные лошадьми телеги и омнибусы, такси и бициклеты соперничали за дорогу, наполняя воздух нестройным кряканьем клаксонов и предупреждающими криками. Когда Елена посещала этот город в последний раз, в воздухе еще не было вездесущего запаха автомобильных выхлопов, однако даже он не мог заглушить всепобеждающую вонь писсуаров, расставленных на каждом углу и привлекавших мужчин, которым потребовалось облегчиться. Смесь этой мерзкой вони несла в себе предчувствие беды.

Противная естеству городская суматоха буднего дня сработала как запал, подстегнув и без того одолевавшую Елену тревожность. Привыкнув к мирному жужжанию пчел на виноградниках, она с трудом выносила уличный гул, автомобили, омнибусы, и настроение у нее стремительно портилось. Надо бы прибегнуть к быстрому успокоительному заклинанию, подумала она, не то она станет притягивать каждого шарлатана и продавца исцеляющих амулетов в радиусе трех кварталов. Она пошарила в сумочке и извлекла веточку шалфея, специально припасенную для такого случая. Веточка немного помялась, кусочки листьев на дне сумочки смешались с завалывшимися там плодами шиповника. Нет, в самом деле, как это городские

ведьмы обходятся без больших карманов, в которых можно разложить все травы по отдельности? Елена жестом попросила Жан-Поля остановиться у фонаря и объяснила, что ей нужно.

— Прямо здесь? Сейчас? — Он огляделся. — Во всей этой толпе?

— Это же одна секунда. Никто и не заметит.

— Конечно, — кивнул он, однако присмотрелся, не глазет ли кто на них. Но дело было в самом сердце города, у прохожих не было ни времени, ни желания замечать кого бы то ни было, кроме себя самих, — именно поэтому ведьмы и смогли жить так долго и так открыто на этих шумных, стремительно прирастающих людьми улицах. Женщина у фонтана *quatre fettes*, который они миновали, выпила из жестяной чашки, но Жан-Поль едва ли обратил на нее внимание, а между тем это была водяная ведьма, и она почтила духов источника, поплескав водой на землю во имя сохранения связи времен.

Елена легко провела веточкой шалфея по голубоватым венам, проступавшим под кожей на запястьях, призывая миг покоя. Ну почему опять? Почему Всезнающая снова и снова вынуждает ее с боем добывать каждую крупину душевного равновесия? Потом она поймала взгляд Жан-Поля, и он напомнил ей: дело стоит того, чтобы биться до конца.

— Некоторые полагают, что нам следовало бы поменьше скрывать свое присутствие, — сказала она, чувствуя, как возбуждение и разочарование уступают место ясности мышления. Слова министра все еще жгли, словно крапива, попавшая в башмак, но теперь, когда кровь несла по жилам целительную силу шалфея, Елене было легче вынести дурные вести.

— Еще меньше? Когда вы и так творите магию на улице? — переспросил Жан-Поль.

Она взяла его под руку, чтобы пройтись как влюбленная, лишь недавно обручившаяся пара — так оно и было на самом

деле. Тепло его тела само по себе воздействовало на нее как успокоительное заклинание.

— В политическом смысле. Пусть мы имели бы статус меньшинства, потому что нас немного, однако если мы объединимся, то можем быть весьма влиятельны. Я подозреваю, что Дюран симпатизирует такому направлению мысли. Ты ведь, конечно, заметил его кольцо.

— Честно говоря, нет.

Он повел ее по живописной дорожке сквозь утопающий в зелени парк, между клумб, а в стороне сломя голову неслись наперегонки лошади и автомобили, державшие путь на восток.

— У него на мизинце кольцо с пентаграммой — судя по ней, он сторонник Общества магусов. Я бы предположила, что он и смешанные браки не одобряет.

— Смешанные браки?

Елена сорвала с ветки каштана узкий лист и провела им под носом, вдыхая аромат.

— Да, как мы с тобой. Смертный и ведьма. Просто помни, что некоторые считают это противоестественным.

— Я не думал... значит, не все ведьмы одобряют?

Неужели он полагает, что только смертные склонны осуждать тех, кто на них не похож? Ну конечно, среди смертных всегда находились те, кто осуждал магию, — да хотя бы и сам Жан-Поль, когда они впервые повстречались, — однако нынче становилось все больше ведьм, полагавших, будто смешение крови смертных с ведьминской кровью каким-то образом разрушает связь со Всезнающей. Елена не была в городе почти десять лет, но и десять лет назад здесь не было недостатка в сдержанных протестах, пропаганде, памфлетах и салонных беседах о том, что смертные слабы и духовно, и магически, а потому наделенные волшебством должны иметь больше прав.

В основном говорили чушь, но не всегда. Порой Елене казалось, что в словах сторонников магусов имеется определенная логика. Одно то, что ее саму, невзирая на явный талант в области виноделия, закон требует считать венефикой, уже было свидетельством: страхи смертных способны зайти чересчур далеко.

— Порой сквозь призму предрассудков смотрят именно те, чье зрение затуманено, вроде как катарактой, — ответила она. — В Обществе магусов полагают, что миром должны править ведьмы, а не смертные.

Жан-Поль помолчал, не мешая Елене отщипнуть несколько лепестков розы, аромат которой едва не заставил ее застыть на месте, а потом спросил:

— А ты знаешь, где она?

Она и сама думала о словах министра и о том, где может находиться Иветт.

— Нет, не знаю.

— И даже твое... э-э... особое зрение не помогает?

Зрение могло бы помочь. Будь у нее шпилька Иветт, она могла бы найти и саму Иветт. Но что потом? Отдать ее, чтобы на ее шее запечатлелся холодный поцелуй *la demi-lune*? Да, Елена жаждала выбросить из своей жизни всю эту ерунду с венефикой и вернуться на винодельню, но какой ценой? Предать девушку, которая встала рядом с нею после того, как прозвучало несправедливое обвинение? Ту, которая помогла ей в темнице справиться с убийцей-демонолюбом? Ту, которую она должна была благодарить за спасение собственной жизни?

— Нельзя сказать, что она ни в чем не повинна, — заметил Жан-Поль, словно прочитав ее мысли. — И Иветт, и Си-

* Полумесяц (*фр.*).

дру обвиняют в убийстве. Тебя — нет, потому что ты никого не убивала.

— По крайней мере, непосредственно.

— Не убивала. И в глазах закона, и, уж конечно, в моих.

— Так что же, сдать ее? Ее жизнь и свобода в обмен на мою жизнь в качестве виноградной ведьмы? Как будто это то же самое, что обменять медяки на жестянку сигарет!

— Это всего лишь один из вариантов, — при этих словах все внутри ее похолодело, и он предупреждающе выставил руку. — Да, на самый крайний случай. Если я смогу найти другое решение, я найду. Но отдавать за Иветт наше совместное будущее в Шато-Ренар тоже нельзя.

— И все же я даже вообразить не могу такое предательство. И не странно ли, что ищут одну лишь Иветт? Почему они не спрашивали о Сидре? Должно быть, она давно скрылась, и им это известно. А вот Иветт куда скорее вернется в город или в окрестности.

Она сжала его руку. Они вышли из парка на улицу и оказались напротив отеля, открывшегося лишь недавно; он возвышался между каменных зданий словно лилия в стиле ар-нуво, капризная и непокорная. Поистине человек, по чьей воле все дома в городе строились по единой модели из одинакового белого камня с серой крышей, был образцовым смертным, лишенным всякой выдумки. Ведьминские представления о красоте были Елене больше по вкусу — прихотливые кованые балкончики, цветное стекло, неприкрытый символизм — все то, что у этого здания имелось в изобилии.

Отпустив руку Жан-Поля, она присмотрелась к замысловатой резьбе, которую заметила сбоку от парадного входа. Взгляд следовал за почти наяву звучащими линиями и цифрами, вырезанными в мраморе фасада. Математика, музыка и время, следующие единому космическому ритму, на сей раз

воплотились в виде солнечных часов, которые творец здания расположил на самом выигрышном месте. Елена сверилась с расположением тонкой как игла тени, сравнила ее с положением дневных звезд и нашла, что результат вполне точен.

— Вскоре нас будет ожидать твоя матушка, — сказала она.

И действительно, меньше чем через час ей предстояло впервые встретиться со своей будущей свекровью. То была вторая из причин, что привели их в город. Елена ни за что не призналась бы Жан-Полю в том, что в ожидании встречи с его матушкой в голове у нее свили уютное гнездо сомнения — они же и стали причиной, что заставила ее надеться в этот до смешного неудобный костюм.

Вознамерившись поразить эту смертную, Елена прибегла к помощи модного дорожного костюма темно-красного цвета, в котором, увы, было слишком много пуговиц и слишком мало карманов. К костюму прилагалась шляпка, которая соглашалась оставаться на месте и удерживаться на чрезмерно пышно взбитых волосах лишь при помощи нескольких острых шляпных булавок. Наряд грозил прийти в беспорядок в любой миг. Невозможно было отделаться от мысли о том, что все эти изящно одетые женщины, которые шли по улице, дамы с тщательно уложенными волосами, безупречными шляпками и идеальнейшими узкими юбками с перехватом у колен пользовались каким-то заклинанием швейной ведьмы, которого она, Елена, еще не знала. Ах, если бы можно было вернуться в Шато-Ренар, натянуть уютную шерстяную юбку с передником и растоптанные башмаки и отправиться возиться на виноградниках!

— Ты так и не сказал, что решил, — сказала Елена, отводя взгляд от солнечных часов; теперь она глядела в глаза Жан-Полю. — Времени осталось совсем не много.

— Откуда тебе знать, ведь часы в тени.

— Прочесть время на часах в тени гораздо проще, чем твои мысли прямо сейчас.

— А... ладно.

Да, он смирился с необходимостью признать, что магия существует, смирился с тем, что в мире есть ведьмы, однако, судя по тому, как позеленели складки под подбородком, не смирился с необходимостью сказать матери о том, что его женой станет ведьма. Его нерешительность разгневала бы Елену, но зрелище растерянного Жан-Поля было такой редкостью, что она позволила разговору соскользнуть в привычное русло.

— Как я уже говорила, смертным зачастую легче поверить, что мир, в котором они живут, именно таков, каким они его видят.

— Не в этом дело, Елена. Просто я думаю, что надо дать ей побольше времени. Пусть она сначала как следует тебя узнает, понимаешь? Как человека.

— Я не человек, я ведьма. Виноградная ведьма, что бы там ни твердил этот идиот министр. Правда, с юридической точки зрения сейчас я, пожалуй, никто. Не ведьма-отравительница, но и не виноградная ведьма. Я обычная женщина, такая же, как другие на этой улице.

— О нет, дорогая, обычной тебе никогда не бывать, — сказал он и, не смущаясь, обнял ее у всех на виду. Поцеловал прямо под солнечными часами, а потом махнул рукой, подзывая таксомотор, которому предстояло отвезти их в фешенебельный район, где ожидала гостей его смертная матушка.